

Разговор о личном

Нечестные отцы и брошенные жены стали излюбленными героями многих наших драматургов. Московские гости провалили особенное пристрастие к проблемам семьи и брака, посвящая им три пьесы из четырех с сегодняшним днём. Трудно согласиться с подобной односторонней тенденцией, но объяснить её можно: разговор о любви, о личном очень нужен, если он ведётся всерьёз, если у драматурга и театра есть что сказать. И первое слово, конечно, за драматургом.

...Молодую учительницу из сибирского села Любу Зотову любит хороший парень Коля Малинцев, но Люба любит другого — обаятельного, красивого Андрея Бушуева, который подло обманул её...

Об этом рассказывает пьеса Е. Анучиной «Счет жизни».

...В молодую учительницу Аию Березко влюблен благородный юноша Костя Кедрин, но Аию укрело обаяние Сергея Теряева, который оказался карьеристом и подляном.

Таков в двух словах сюжет пьесы В. Пистолёнка «Любовь Ани Березко». Переименуйте имена и место действия, и вы узнаете знакомые ситуации еще доброго десятка современных вымышленных пьес. Но не станем спешить с претензиями к драматургии. Вспомним, что и в сюжете «Горя от ума» тот же вечный любовный треугольник. Все дело в том, ради чего выбрал данный сюжет. Если он — повод для поэтических раздумий о жизни, о человеке, рождается настоящая драматургия. Если же сюжетом исчерпывается все содержание пьесы, то любовь, самая жизненная ситуация будет выглядеть бездушным шаблоном.

...Уже в первом действии пьесы «Счет жизни» зрителю наглядно показано благородство героини — Любы (зная об измене мужа, она собирает его переписки), её друга Коли (он сочувствует Любе, застает Андрею пощечину), предостережена и подлость самолюбивого Андрея (он привез в дом другую жену).

Пьесы о нашем сегодня в театре

им. К. С. Станиславского

На этом пьеса могла бы благополучно кончаться, а зрители, усвоив несложную мораль, что «быть эгоистом плохо», разошлись бы по домам, но перед нами еще четыре картины, в которых автор заставляет Любу скоропалительно влюбиться и выйти замуж за Колю, чтобы затем пережить его героическую гибель на фронте, затем снова сталкивает её с Андреем... Таким образом, пьеса могла бы продолжаться бесконечно, так как её движение вызвано не логикой развития характеров, конфликта (их и пьесе нет), а лишь механическим сцеплением обстоятельств.

Действие растянуто на двадцать лет, герои сидят на лавках глаз, но мы не видим их развития. И дело здесь не столько в композиционном просчете, сколько в примитивности замысла. Автору легче сказать зрителю: «Счет жизни» оказался однослойной моралью, которую зритель усвоил, едва открылся занавес.

Углубить такую пьесу театру трудно, обогатить почти невозможно, даже, если театр принимает её всерьёз. В спектакле немало волнующих сцен, особенно у арт. Л. Гриценко, играющей Любу с подкупающей искренностью и простотой. Талантливой артистке удалось сыграть отдельные сцены с подлинным драматизмом. Трудно забыть остановившиеся, немалый взгляд Любы — Гриценко, когда она узнает о гибели Николая.

Яркие сцены есть и у В. Абрамова (Алеппа Китаев) и у И. Прея (Оля). Вспомните хотя бы сцены возвращении Алексея с фронта, его встречу с Олей... Запоминаются и И. Колос в роли Коли Малинцева, и Н. Медвед (Мая), но эти отдельные удачные, опытные режиссура И. Кузнецова, до-

стоверные декорации (художник Г. Турьяев) только придают спектаклю жизненное правдоподобие, бытовую конкретность, не больше...

Лишь тогда в театр приходят поэтические раздумья, когда художник выходит за узкие пределы изображаемых фактов, видит их причины, выкидывает в жизненные взаимосвязи, когда речь идет не столько о факте, сколько об общественном бытии человека, героя нашего времени.

Это подтверждает для других спектаклей, созданных театром в плодотворном содружестве с сибирским драматургом В. Пистолёнком.

Скромная девушка с примы и открытым взглядом — Аня Березко в талантлимом исполнении И. Дрозовской — ясно заинтересовывает своей судьбой не только потому, что история её неудачного замужества, с сожалением, нередко встречается в жизни. Суть в том, что семейную историю и драматург, и театр прочли как историю становления характера.

Жизнь оказалась гораздо сложнее, чем представлялась очарованной, уходящейся девушке, только что окончившей институт. Она пригласила Аня Березко нелегкие испытания, заставляла пережить горечь разочарований. Но с честью выдержала. Аня жила на стойкость характера. Побеждало то прекрасное, что возмужало в нашей молодежи народа, партия. И в этой тишине образа осядал его воздействие. История семейного разлада вызывает раздумья об отношении к жизни.

Удача центрального образа во многом использует существенные недостатки пьесы, её многословие, схематичность других персонажей.

Нелегко арт. Н. Душаку найти внутреннее оправдание поступкам Сергея Теряева, который по воле драматурга с невозможностью скудоумия демонстрирует перед зрителем свою подлость. Но артисту удается на время «обмануть» зрителя внешним обаянием своего героя, не сразу от-

крытая в нем мелкую душонку завидного карьериста.

Радует внимание режиссуры и актеров к эпизодическим ролям. И академик Березко (заст. арт. Н. Михайлов), и Костя (С. Ляхинский), и Галя (Г. Рыжкова), и Дорин Иванова (З. Корнилова) — все это живые, разные люди; каждый из них по-своему стремится помочь Ане Березко.

Великолепно по точности замысла и проточкой отточности рисунка игра Н. Животовой в роли жены председателя райисполкома Травкиной.

Есть в спектакле персонажи, сыгранные поверхностно, односторонне. Слишком откровенно подчёркивает примитивность и глупость Надежды Марковны К. Шинкина, слишком старательно обыгрывает Ю. Мадьковский униженное фигуриничное Виталия Марковича, в то же время недостаточно глубоко раскрытая душевный перелом в своем герое.

...Вторая пьеса Пистолёнка, недавно поставленная театром, называется кратко и определенно — «О личном».

Все её герои влюблены.

С явственной и тревогой ждет Лева Соболев (Т. Семичева) встречи с другим юсти Юрием Уральскими. Но Юрий приезжает не один: у него жена, ребенок...

Замосащенный, озорная сестра Юрия Ника усердно заявляет своей поддержке Шурке: «Ты очень любишь Федю?.. Если же очень — отбрось, а потом посмотри вслед несчастливой паре долгим тоскливым взглядом: «Эх ты, Федька!.. И здесь любовь, ревность».

Актеры играют правдиво, и спектакль захватывает искренней лирической интонацией, напряженностью чувств, характерами простых людей. И внезапно ждешь — вот здесь, наконец, заявится большой поэтический разговор «про это».

Но чем дальше развивается действие, тем отчетливее проявляются знакомые приметы традиционной «обработорбочной» пьесы. Пистолёнку явно полигизирует с недавня нахуливающей пьесой Алеппина «Одна», герой которой бросает семью. Лева —

героиня пьесы Пистолёнка — решает иначе: «Я не могу строить счастье на несчастье другого» и обращается к зрителям: «Разве я не права?».

Трудно рассудить героев, так как и в том, и в другом случае авторы не смогли психологически убедительно обосновать их решения.

Лева в исполнении Т. Семичевой вся окрашена непобедимой силой любви, жаждой счастья, большого, единственного, «Я тебя не отдам», — говорит она Андрею. «...Пойду наперекор всему...». Но все разрешается благополучно. Узнав, что ее отец, которого она считала погибшим, на самом деле бросил семью, Лева отказывается от своего счастья.

Что ж, в жизни часто бывает, что душевное потрясение вдруг отрезвляет человека, заставляет иначе взглянуть на свои поступки. Но жизненное правдоподобие еще не человеческая правда. В пьесе Пистолёнка и скоротечный отказ Лева от своей любви, и откровенно назидательная сцена между поклонником Соболевым (отец Лева) и его бывшей женой, сцена, в которой раскалывший отец сентиментально живописует свою одажность, уж слышно нарочитые «литературные».

И сыграны эта сцена артистами Т. Гурко (Зоя Михайловна) и В. Белоусовым (Соболев) довольно прилично. Но здесь житейская правда факта подменяет художественную правду характера.

Второй «любимый треугольник» решается еще проще — испытанным литературно-хирургическим приемом: автор калечит своего героя. Калечит буквально — обрубает вдруг бедного Федю расплавленным металлом. И Феде сразу становится ясно, что Ника хорошая (она его спасла), в Шурку — плохая (струсила). Феда немедленно разлюбил Шурку и влюбился в Никку.

Напрасные жертвы! Даже искреннее стремление молодых актеров хорошо сыграть эту сцену (в Феде и в самом деле хорошо играет Л. Сатановский) не может скрыть ее нарочитости и внутренней фальшивости.

По сравнению с пьесой «Любовь

Ани Березко» новая пьеса Пистолёнка выигрывает в композиционной стройности, в отделе характеров, но проигрывает в наш взгляд, гораздо существующее, они — в узости внутренних масштабов замысла.

Но и здесь активное, заинтересованное отношение театра к «своему» драматургу, умение режиссуры (М. Яшин и А. Аронов) выявить своеобразные его творческие манеры значительно обогащают пьесу.

В спектакле много интересных актерских работ.

«Простенькая» — говорит в пьесе о жене Юрия Кате. И действительно, в Кате — Н. Медвед все обыкновенно, буднично. До последнего момента Катя не поддразнивает об измене мужа. Но вот удар нанесен внезапно и подло, как выстрел в спину. И когда в следующую секунду видим мы Катину глазу — в них не отчаяние, а гнев. «Как вы можете?..» — кричит она ошеломленной Шурке.

Пусть все это правда... Только почему же вы так глупы? Вы ничтожество...». До последнего момента Катя защищает свою любовь, свою веру, а, убедившись в жестокой правде, долго смотрит на мужа недоумо, удивленно, и лишь короткий судачливый стон открывает нам всю боль раненого сердца.

Как глубоко волнуют такие моменты творческого подвига. Как благородно искусство художника, который в обыкновенном открывает прекрасное! Н. Медвед ярко рассказала о душевной стойкости маленького большого человека. Такая Катя не примирится с ложью, не согласится строить семью без любви, как, судя по финалу, ей советует автор.

Другая значительная удача спектакля — образ Шурки, созданный молодой артисткой Г. Рыжковой, которую мы запомнили еще в роли жизнерадостной девушки-сибирячки в спектакле «Любовь Ани Березко». Любовь к яркой детали, раскрывающей главную в характере героини, ее убедительнее проявилась в новой работе Г. Рыжковой.

Ее Шурка, на первый взгляд, су-

щество довольно примитивное, но безобидное. Не притягивает особого внимания ни безукосным бантиком, ни ее неуверенно, но старательной кокетливостью, желанием вывести напоказ свою дружбу с Фейей, первым парнем в рабочем поселке. Но актриса заставляет все пристальнее вглядываться в создаваемый ею образ, и оказывается — не так уж она безобидна. Когда Шурка, отвергнутая Фейей, как ошарашенный зверек, злобно бросает Кате грубые слова, вымещая свою бессильную досаду на другом, мы соглашаемся с Катей: «Страшный человек». Страшно, когда над эгоизма и мещанства открывает молодую душу.

Неожиданный отпор ошеломил Шурку. Чувствуется — жизненный урок не пройдет для нее даром. Ведь она еще очень молода.

Мы отметили две наиболее интересные, на наш взгляд, актерские работы. Но и другие исполнители поддерживают слаженный актерский ансамбль, из которого выпадает уже отмеченная нами сцена с Соболевым и еще одна, более существенная для спектакля образ Юрия. В исполнении С. Ляхинского это довольно неопределенный персонаж, никак не оправдывающий страстную характеристику. Заранее выданную ему другими героями. Он, пожалуй, единственный в спектакле, а чью любовь не вершишь.

Вызывает возражение и придуманный режиссурой «концертный» номер во втором акте, довольно мило исполненный, но затянутый и, главное, абсолютно не нужный. Но это все просчеты в общем интересного спектакля.

Разговор о личном на сцене Московского драматического театра им. Станиславского далеко не во всем оказался серьезным. Он мог бы быть гораздо значительнее, если театр и в своем современном репертуаре, и в его сценическом воплощении не замыкался в «комнатные» рамки «семейной» тематики.

Д. ФУТЛИК

27 мая 1957

ЗВЕЗДА
г. МОСКОВ